

E. Prebergs

Елена Ржевская

Содержание

9	Ближние подступы
123	Ворошенный жар
250	Приложения

БЛИЖНИЕ ПОДСТУПЫ

Повесть

От автора

В великой эпопее Отечественной войны и Победы городу Ржеву выпала особая доля. У стен его почти семнадцать месяцев шли непрерывные ожесточенные бои, знаменовавшие сражение за Москву. Появившееся в сводках в октябре 1941 года ржевское направление означало, что Москва в угрожающем положении. 14 октября 1941-го наши войска оставили Ржев, и Москва была объявлена в осадном положении. Отброшенному от Москвы в декабрьском наступлении врагу удалось зацепиться за ржевский выступ, который на языке немецких приказов продолжал называться «кинжалом, нацеленным на Москву».

Без малого полтора года немецкая армия угрожала отсюда Москве. Эти дальние подступы к Москве были ближайшими к ней. Для сражающихся сторон Ржев был стратегически чрезвычайно важной точкой на карте войны, и напряжение здесь не ослабевало. Германское командование считало Ржев «плацдармом для решающего повторного наступления на Москву», которое должно было последовать за предпринятым немцами летом 1942 года наступлением на юге.

Но исход наступления на юге, исход Сталинградской битвы решался также и здесь, на Верхней Волге, у Ржева, где наш фронт вел трудные, упорнейшие кровопролитные бои летом и осенью сорок второго, сковывая здесь значительные силы противника, вынуждая его перебрасывать сюда соединения с юга.

«Русские предпринимали почти непрерывные фронтальные атаки против 9-й армии, особенно в районе Ржева, — пишет об этой поре немецкий военный историк, бывший генерал гитлеровской армии К. Типпельскирх. — В начале августа сложилась

очень тяжелая обстановка: русские едва не прорвали фронт. Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны, — русские, сковав такое большое количество немецких войск, принесли этим большую пользу своему главному фронту».

Ржев на Волге — крупный железнодорожный узел, перекресток многих шоссежных дорог. Его стратегическое значение было велико. Маршал Жуков в своих воспоминаниях пишет, что во избежание переброски противником войск в район Сталинграда и Северного Кавказа в ноябре 1942 года было «необходимо срочно подготовить и провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы и в первую очередь разгромить немцев в районе ржевского выступа». Ржевский выступ именовался немцами — «неприступная линия фюрера».

«Армии двух больших народов насмерть бились за узловой железнодорожный пункт — за Ржев. В боях под Ржевом погибло столько немцев, сколько, например, жителей в Котбусе или Ингольштадте», — писала гамбургская газета Die Welt. Жестоки, неисчислимы здесь наши потери...

По мере того как овладение нашей армией Ржевом становилось для немцев реальной угрозой, германское командование прибегло к психическому воздействию на своих солдат, с тем чтобы принудить их к стойкости. Гитлер объявил: «Сдать Ржев — это открыть русским дорогу на Берлин», призывая во что бы то ни стало, не считаясь с потерями, удерживать город.

Мы вошли в Ржев 3 марта 1943 года. Лишившись «жизненно важной коммуникации» — железной дороги, по которой шло основное снабжение его войск, противник был обречен на дальнейшее отступление. И мы неостановимо двинулись на запад. Перед нами впереди был Смоленск. И уже на дорогах появлялись плакаты: «Мы идем к тебе, Беларусь!»

Будучи военным переводчиком, я прошла с армией от Ржева до Берлина — до Победы, которая слагалась из многих решающих битв на пути к ней. В их числе протяженная, самоотверженная битва за Ржев.

Пережитое неотступно возвращает меня в гущу тех дней, когда и усилия сражающейся армии, и жизнь местного населения в зоне фронта — все смешалось, и возник неповторимый образ самоотверженной народной войны.

Это повествование сложилось из моих фронтовых записей и более поздних, сделанных по памяти, из сохраненных документов — их выразительность на отдалении лет становится лишь сильнее — из почерпнутого мной, когда я снова и снова возвращалась во Ржев и на старые места наших боев и дислокаций, где пережившие войну люди помнят обо всем, что здесь было.

ВЕСНА

Тучи толкутся. Гарь за деревней в поле. Свинцовый денек сорванного наступления. Танки, выведенные из боя, вкатываются сюда, в деревню, гроыхая и лязгая. Напротив колодца — реденький кружок: бойцы и командиры. Там на коврике, раскинутом на сырой земле, молоденький акробат вертит акробатку, ломает ее пополам, перекидывает через себя. Отбежав, призывно манит рукой, и она босыми ножками по рыжему выщербленному коврику — и к нему, к нему и опять взлетает на воздух. На ней одни трусы да лифчик, чешуйчатые, в блестках. Москва, Москва, кого только не шлют на разгром врага. Все для фронта! Танки выводят из боя, и они по одному, вразброд, сотрясаясь и волоча подбитые гусеницы, вползают с размашистым лязганьем. Глушат моторы. Из башни вылезают танкисты и, переступая тяжелыми ногами, бредут к кружку. Гуще круг. Черные, сдвинутые на брови шлемы, закопченные лица. Чей танк не вернулся, кто там догорает в трясине у городского леса — еще не сосчитано. Осев на затекшие ноги, танкисты хмуро уставились — маленькая акробатка, землистое тело. На коленках стоит, откинулась назад, уперлась руками в землю, приподымается — изогнулась вся. Голова запрокинута. Мостик делает, кто понимает. Тишина гробовая. Никто не пикнет, не ухмыльнется. Только лязгают танки. Слышно — на левом фланге стреляют. Теснее круг — пододвинулись к самому коврику, окольцевали. Мечи сюда немец хоть минометный огонь — не отступятся. Сапоги переминаются, топчут рыжий коврик. Чуется пот их работы, этих двоих на коврике. В небе «Яки» прошли, беззаветно врезаясь в низкие тучи. Никто не проводил их взглядом. Неотрывно, в упор, окаменело смотрят танкисты в выгнутый

живот циркачки. Она разогнулась, покружила немного — и стоп. Поклонилась, девчоночка. Циркач нагнулся и ловко скатал коврик. Похлопали. И разбрелись.

* * *

Заглушенные голоса в эфире. Настраиваюсь. Треск разрядов, и опять что-то перекатывается мерно, как морские валы, и ничего не разобрать, щелканье, разрывы.

— «Звездочка»! Я «Ястреб». Захожу слева. Прикрой хвост! Прикрывай!

— «Звездочка»! «Звездочка»! Мне навязывают бой. Почему не прикрываешь? В хвост мне заходят. Петя! Прикрой!

Я толкаю оконные рамы, высовываюсь в наушниках, ишу их в небе. Тут, над нами, их нет. Вдалеке что-то шныряет, не то птицы, не то самолет.

— Петя! Нависают! Не видишь, что ли? Улыниваешь, мать...

— Захожу, захожу! Вася, держись!

* * *

Двое пленных, сидевших на пороге сарая, громко заспорили. Часовой шикнул на них. Они переждали немного и опять за свое. Тогда часовой, показывая руками, велел одному из них уйти в сарай, другому оставаться на месте.

— Раз не можете по-хорошему, сидите врозь.

* * *

«Я, гражданка Орехова Татьяна Ивановна, проживала в г. Ржеве по ул. Марата, дом № 75, квартира 157. Муж мой — Орехов Василий Нилович, кандидат ВКП (б), работал зав. магазином № 14 Транспортпита. 10 ноября в 2 часа дня моя дочь, семи лет, прибегла с улицы: “Мама, повели папу и много дяденек”. Я выбежала и увидела, что ведут человек десять, среди них мой муж, Сарафанников, завхоз пивзавода, баянист Дроздов, Медоусов, Пегасов (работал директором пекарни), Роцин, а других не знаю.

Когда я подошла, муж крикнул: “Вернись! Не ходи, куда нас ведут. Это для тебя будет очень тяжело навечно”. Дроздов тоже просил меня вернуться, но я бежала до самого моста под Гореловкой. Немцы пять человек оставили на этой Красноармейской стороне и пять человек отвели через мост на Советскую сторону. Поставили на берегу около моста лицами друг к другу и стали фотографиро-

вать. Мой муж крикнул: “Люби партию, как любила меня!”. Медоусов снял шапку, бросил на землю и крикнул: “Советский Союз непобедим!” Немцы на каждого набрасывались по несколько человек и стреляли в голову из левольверов. После расстрела поставили доску с надписью: “Злостно караются поджигатели немецким правительством”. Это было написано крупными буквами. Еще было написано мелкими буквами, то я не прочитала...

После этого ко мне приходил Вавилов (до войны работал экспедитором на пекарне), который при немцах назывался господином Лапиным и работал в немецкой управе, и приказал мне выехать из Ржева в двухдневный срок. Я ходила к нему в управу, на двери кабинета была вывеска “Особый отдел”. Я спросила у него: “Товарищ Вавилов, зачем так жестоко предали моего мужа?” Он ответил: “Я на сегодняшний день господин Лапин”. Я спросила: “Господин Лапин, за что предали так жестоко моего мужа?” Он ответил: “У ваших коммунистов ноги короткие, а у наших офицеров длинные. Наши офицеры их догоняют”.

После этого я не сдержалась, сказала, что, может, и у вас вскорости будут короткие ноги. Он вскочил со стула и предложил очистить кабинет. После этого ушли со своей семьей из Ржева сюда, в деревню Горенки».

* * *

Часов с шести вечера обстреливают деревню. За переборкой в нашей избе продолжается заседание сельсовета.

— ...Чтобы мимо нас не смог пройти ни один шпион и другой чужой элемент...

Снаряд со стоном пронесется над крышей. По потолку к нам сюда сочится из-за переборки дым самосада. —...Которые дезертиры заходят в деревня... переночуют безо всякой претензии и совершают кражи...

* * *

В Ржеве висит объявление за подписью верховного главнокомандующего германской армии: «Кто укроет у себя красноармейца или партизана, или снабдит его продуктами, или чем-либо поможет, карается смертной казнью через повешение. Это постановление имеет силу также для женщин. Повешение не грозит тому, кто скорейшим образом известит о происходящем в ближайшую германскую военную часть...»

* * *

Ударяясь о лавки, задевая чугуны, деревянное корыто, споткнувшись о кольцо на крышке, ведущей в подполье, брожу по избе. Над ней нависла война, каждый час чреват для нее гибелью, и все тут одухотворено; трогаешь то то, то се с трепетом, словно прощаясь, еще и не узнав-то близко.

* * *

Этот бывший уездный город в сердцевине России. Жила, не ведая о нем нисколько. А теперь всё — Ржев, Ржев.

* * *

— Уважаемые товарищи! Фашистские гады злодейски убили нашего земляка и любимца — баяниста Дроздова. Перед смертью он успел крикнуть: «Мы здесь хозяева, а вы нет, и будете вы здесь валяться, как вонючая падаль!»

* * *

На опушке леса никаких знаков. Нет белого флага с красным крестом. Раньше это служило защитой. Но не в эту войну. К дереву приколочена дощечка «Хозяйство Черняка» и стрелка, указывающая на разбухшие от грязи колеи, ведущие в глубь леса. Мелькают белые халаты между стволов. В вырытой яме свалены окровавленные бинты, вата... Их забросают землей или подожгут к ночи, когда дым над лесом незаметен.

Разгружают санитарную машину.

За столом на опрокинутом ящике сидит девчонка в пилотке, косо напыленной на короткие завитки волос, пишет под диктовку доктора — маленького, опрятного, спящего среди прибывших раненых. Время от времени она поднимает от листа безмятежные ясные глаза.

Возле нее на спущенных с машины носилках лежит раненый, прикрытый по плечи шинелью. Глядит вверх, на раскачивающиеся макушки деревьев. В глазах терпеливая смертная тоска.

* * *

«Волга в полосе нашей армии имеет четыре правых притока: р. Шишка, р. Дунька, р. Ракитня и р. Большая Лоча...

Река Шишка берет свое начало в заболоченном массиве возле станции Оленино и пересекает на своем пути восточный склон Среднерусской возвышенности... Большая извилистость

русла и долины и наличие крутых, сильно рассеченных коренных склонов...»

Что-то исконное, умиротворяющее. Даже непохоже, что это военный документ, составленный нашими штабными гидрологами.

* * *

В лесу, в медсанбате. В палатку просунулась голова.

- Разрешите с вами познакомиться. Я ваш санитар. Третьяков.
- А что же ты, санитар, без шапки?
- Я только что из бани — сперли!

* * *

Дождь, сперва мелкий, припустил и быстро расшлепал и без того мокрую землю. В небо уже никто не поглядывал. Никакой напасти не будет — самолеты не поднимутся, выждут, пока там, наверху, прочистится.

На бревнышке, под крыльцом, — чья-то одолженная плащ-палатка на двоих внакидку — сидят акробат с акробаткой, чемоданчик у него на коленях, в нем, должно быть, коврик скатанный да ее трусы в блестках. А сами теперь — кое в какой одежонке, ничем не поблескивают. Сидят, прижавшись, посиневшие на мокрели, два нездешних человечка. Не военные оба и не колхозные.

По улице мимо них, тяжело чавкая сапогами, танкисты волюют, мочаля их в слякоти, срубленные молоденькие елочки — маскировать танки. Перегукиваются, все больше матом. Не торопятся укрыться, вроде их не поливает. Мокрый дождя не боится. Если и глянут на тех двоих, что под крыльцом сидят, — не признают. Чьи только такие никудышные? Откуда взялись?

Сидят, съезжившись, акробат с акробаткой, ждут высланную за ними «звуковку» — из этой машины кричат немцам, чтобы сдавались, но не всякий день, и другой свободной машины на сегодня нет.

Может, не застрянет «звуковка», осилив размытую дорогу, и доставит их куда надо — на передовую, поближе к врагу. Молоденький акробат расстелет коврик на комкастой, набухшей земле и станет вертеть акробатку. Под дождем, и, может, на мушке у вражеского снайпера, и под ошеломленными взорами обступивших бойцов маленькая циркачка взлетит на воздух, немыслимо изогнется — босая, раздетая, поблескивающая чешуйчатыми трусами.

Все на врага!

* * *

*Божья коровка, полети на небо,
Там твои детки кушают котлетки...*

— это доносятся наперебой голоса деревенских девочек. И мы в детстве этими же словами заклинали божью коровку, усадив на ладонь. И до нас это было. И после этих девочек все так и будет.

Свалятся оттуда, сверху, и отгрохают свое все бомбы. А обжитое, домашнее, нехитрое небо — «детки», «котлетки» — останется.

* * *

Здесь, на нашем участке, на переднем крае противника среди солдат распространяют воззвание немецкого командования. Перевозу доставшийся нам экземпляр:

«Немецкие солдаты! Мы должны удержать Ржев любой ценой. Какие бы мы потери ни понесли, Ржев должен быть нашим. Ржев — это трамплин. Отсюда мы совершим прыжок на Москву!»

* * *

Солнце, заваливаясь за дальний лес, выбросило косые лучи, подсветило танковое становище у нас в деревне.

Мне повстречалась женщина. Она шла со мной рядом, гремя висевшими на руке пустыми ведрами.

— Ох, он лупит и лупит.

Немец действительно сегодня что-то обнаглел.

— Долго такая музыка тянуться будет?

— Это вы насчет пальбы?

— Нет, насчет всей войны я. А кончится — кому понадобится? Уже года не те.

Я сказала ей, что она еще вполне ничего собой.

Она быстро косила на меня глаза, свободной рукой поправила косынку на голове, усмехнулась:

— Да какая я хорошая — вся морщенная.

* * *

Старуха разогнулась от гряды, приложив руку к глазам козырьком, в упор рассматривала нас, не шелохнувшись. Моя попутчица ушла, погромыхивая ведрами. Старуха указала темным пальцем ей вслед:

— Тюрина — выжига. Она по двадцать рублей клубнику носила в город. И опять понесет, вот увидишь, дай только война кончится.

Где-то совсем близко на краю деревни разорвался снаряд. Старуха покачала головой.

— Он уже не такой буйный, окорачиваться вроде стал. А вот опять, гляди.

Она уже перешагнула через жердину и позвала меня в дом, не спрашивая, кто я и зачем явилась. Это был запустелый, закопченный дом с осевшим полом и скособочившимися окнами; здесь держался начальничий запах одеколона, папирос и новых ремней. На лавке спал боец, нахлобучив на лицо пилотку.

— А ребяташки ваши где же?

— Их прохлыстать как следует надобно. Поняла? Гоняют без толку...

Со страшным воем пронесся над крышей снаряд. Старуха либо недослышавала, либо под охраной своих закопченных стен почувствовала себя в безопасности. Боец продолжал спать.

В избу бесшумно проникли двое — мальчик и девочка лет шести и восьми, два босых тощих галчонка. Должно быть, обстрел загнал их домой, и теперь они жались к печке. Они понуро слушали, как опять взвыл снаряд, и девочка, старшая из них, чесала одной босой ногой другую.

* * *

1. Общее собрание колхозников единодушно приветствует выпуск Государственного военного займа 1942 г., и постановили активно включиться в подписку на заем. Подписаться сельхозартелью «Светлое Марково» на заем на сумму 1000 (одна тысяча) руб.
2. Приобрести к каждому колодцу общественную бадью, возложив дело приобретения бадьи на тов. Купчихину.
3. Просить сельсовет ходатайствовать перед РАЙУПЛНАМЗАГОМ о снижении мясоставки за 1942 г. Ивановой Домне Иван. ввиду ее многосемейности и учитывая хозяйственное положение как беднячка, не имеющая скота.
4. Вызвать т. Денисову А. И. для убеждения об уважении общественных совещаний.

* * *

Большой, замученный, почерневший, он не присел на бревно, как ему предложили конвоиры, стоя ждал своей участи. На изодранной в клочья грязной нательной рубашке — орден Красного Знамени. Хранил его под подкладкой в сапоге и сейчас, когда его вели с передовой, прикрепил. Единственная вещественная связь с прошлым. Летчик. Подполковник. Два месяца назад сбит, был в лагере военнопленных в Ржеве. Сегодня бежал и перешел линию фронта.

Один конвоир пошел в штаб к комиссару полка, на чьем участке объявился сегодня бежавший из плена летчик, — пусть установят его личность, разберутся, — другой ковырял сапогом землю в стороне, стесняясь показывать, что охраняет его.

Летчик стоял, лицо черное, обросшее. На груди, едва прикрытой клочьями рубашки, кровавое пятно — орден Красного Знамени.

* * *

Управление Охраны
города и района
Смоленска
15 апреля 1942 г.
№ 8

Начальникам
волостных охран
и инспекторам колец
и Копия: начальнику
Смоленского района

Предлагаю вам, помимо регистрации жидов, проживающих в ваших волостях, также вести регистрацию цыган с указанием, в каких населенных пунктах они находятся и количество их. Желательно составление списков цыган с указанием адреса, фамилии, имени и отчества.

Начальник управления охраны Сверчков

* * *

— У, разбомбленная твоя мать!

* * *

Хозяйка говорит:

— Как длиннобойная бьет, в доме чернота, смрад. Посуда в столе разговаривает. В колодце — грязь.

* * *

Еще и год не прошел, а вспоминается вроде издавека уже.

— Во вторую бомбежку в Ржеве было, на Илью Пророка. Кричу

его: «Михаил! Лягут!» Только успел на ступеньку ступить. Ему тут все распоясало. Мы выскочили, он уже неживой лежит.

* * *

Где-то, затерянное в глубине веков, его начало — Ржевка, Ржова, Ржевль-Володимеровъ? Какое-то смутное упоминание о нем в древнем новгородском уставе о мостовых 1019 года.

Говорят, в уставной грамоте смоленского князя Ростислава упоминается волость Бержевляне в 1150 году. Не знак ли? Но все еще смутно. И та местность, что ныне под городом и районом, оспаривалась, полагают, с боями удельными князьями, а чаще одолевалась Новгородом. Но так ли, нет ли, все еще зыбко — догадки, прикидки, несогласия исследователей. И контура той земли как бы и нет еще.

Но вот с твердостью отмечает летопись: город подвергается осаде в ходе войны князя Святослава Всеволодовича с торопецким князем в 1216 году. Это бесповоротный знак об основавшемся уже городе — прародителе нынешнего Ржева.

Вот при каких обстоятельствах история выявляет его из глубины веков. Осада! И в сметающем все потоке времени — стоп! за звездка! Любознательность истории расшевелена и дает нам знать о существовании города!

И сейчас этот город, захваченный немцами и осажденный нашими войсками, — он на виду. И внимание истории, надо думать, не обойдет его. Вот ведь какой ценой оно дается.

* * *

Разведчики вернулись. Взять «языка» не удалось. Натолкнулись на боевое охранение, ввязались в бой. Но немцы скрылись по ходам сообщений, унося своего убитого или раненого. Остался на месте происшествия бумажник. В нем ничего существенного, нет даже солдатской книжки. Только вырезки из газет о награждениях, видимо, знакомых или сослуживцев владельца бумажника. И траурное извещение. Перевожу:

«В гордой преисполненности долгом, воодушевленный на подвиг во имя фюрера и будущего Великой Германии, пал во главе взвода и тем самым отдал самое большее, что мог, свою юную, цветущую жизнь, наш дорогой, незабвенный сын, сердечный брат, внук, племянник, двоюродный брат и добрый товарищ

Генрих Шеперс
 СС-обершарфюрер»

Перечислены его награды, приведены даты: 28.12.21–13.3.42. И в зарифмованных строках:

*Кто смерть нашел в борьбе святой,
 Покоится в земле чужой,
 Как в отеческой.*

Ниже подписи: «Родители: Генрих Шеперс и супруга Эдит, урожд. Гердт; сестры и братья: Софи, Ханни, Ганс и Карин, его любимая подруга Гедвиг Клауз и все родственники. Обригхофен, Адольф-Гитлерштрассе, 22/2».

На обороте этого траурного извещения напечатана статья «Назад к неандертальцу?»:

«Итак: “Опростимся, приблизимся к естественной жизни”. Этот призыв, высказанный недавно одним читателем, вызывает возражение другого. И он пишет о том, как пагубно скажется распространение в народе этих мнимоположительных идей, ратующих за возврат к примитивному образу жизни. В качестве примера он приводит одного своего знакомого. Тот недавно прочел в <...> (в одном уважаемом еженедельнике, название опустим) о том, будто после войны мы будем переучиваться жить, будто мы вынуждены будем вернуться назад к керосиновой лампе, отказаться от газа и электричества, от клозета с водяной промывкой. “Я не уверен, так ли это, — пишет наш читатель”, — и готов поверить вашим разъяснениям. Но этот человек произнес, к моему глубокому сожалению, следующее: — “Мы идем навстречу очень мрачным временам. Для чего же победа, если принесет такие плоды?”

Ну что ж. Упомянутый еженедельник мог бы в самом деле напечатать что-нибудь более достойное, если из его статьи можно извлечь подобные выводы. Однако, слава богу, ни слова нет в том правды. Никому не придет в голову с завтрашнего дня вменять германцу образ жизни наших предков, лишенный цивилизационных и культурных достижений. Мы не станем разрушать наши электростанции и не станем валить мачты высокого напряжения. Мы станем изготавливать из нефти и бурого угля не керосин для чадных коптилок, а бензин для “фольксвагена”. Господин — распространитель вычитанного — должен был бы суметь насколько только

возможно выявить между строк насущное различие между представлениями о Жизни-Бытии и потребностями текущего момента...»

На этом обрывается статья — большего не вместила площадь вырезанного траурного извещения, на обороте которого она напечатана...

* * *

Под окном прошел младший сержант, ведя за руку махонькую здешнюю девочку. Объяснял, наклонившись к ней, едва ли способной охватить это:

— Обувь бывает трех видов: кожаная, матерчатая и валяная.

И было наглядно насчет человеческой потребности делиться, доносить свой опыт. Отсюда, наверное, и педагогические, и писательские склонности в человеке.

* * *

Районная газета. Шапка: «Сев — тот же фронт».

Решение исполкома райсовета от 8 мая 1942 года:

Обязать всех председателей с/совета:

- а) строго контролировать установленный бригадами график сева, с тем чтобы в ближайшие три дня закончить сев яровых зерновых и до 15. V закончить посадку картофеля и посев овощей;
- б) установить строгий контроль за нормами выработки...
- в) строго контролировать установленный распорядок рабочего дня в колхозах, выход на работу в 5 ч. утра до 8 ч. вечера с перерывом на обед не более одного часа.

* * *

— Иногда я выпью, если поднесут. Но я за себя отвечаю, я за рулем сижу.

— Это пороховой погреб, имей в виду.

— Это пороховой погреб, за который я отвечаю, что он не взрывается и не взорвется.

* * *

Кончились весенние напасти: эти вскрывшиеся ручьи, через которые по перекинутым слегам балансируешь не всегда успешно; разбухшие валенки, «большая вода» поднявшихся болот, затопляющая траншеи и блиндажи. «Дороги стали». И ни хлеба, ни сухарей. Голодные люди. И как-то по-особому горестное — изголодавшиеся

бессловесные лошади. Кавалерийские лошадки. Они шли на лечение. Но перед канавой останавливались, чуть пятились, не имея сил переступить ее, и ложились умирать в дорожной жиже. (Это я видела 16 апреля 1942 года.)

* * *

18 мая 1942 г.

Исполком райсовета обязал пред. с/совета привести в надлежащий вид одиночные и братские могилы бойцов и командиров Красной Армии, а также очистить территории сельсоветов от вражеских солдат, офицеров и трупов животных, убитых во время боев.

* * *

Оказывается, старинный герб Ржева — лев на красном поле. Мудрость? Мощь? Военная доблесть?

Ржев был перевалочным пунктом и к Днепру, и к озеру Ильмень. Здесь скрещивались беспокойные интересы крупных политических сил: Москвы, Твери, Литвы. И с первой отмеченной летописью осадой Ржев еще четыре века треплут войны: то он объект раздора князей, то добыча Литвы, то отбит вновь для Руси Тверью, а с ослаблением ее достается Москве.

Он стоял на западной окраине русских земель, и не раз на него обрушивался удар врагов, рвущихся в глубь России.

В последний раз в 1613 году пан Лисовский штурмует Ржев, но население отбило город. С тех пор враг не топтал ржевскую землю три столетия, совпавшие с трехсотлетием дома Романовых, и сверх того еще двадцать восемь лет.

* * *

Уже пастух отъел один круг. Как время-то идет.

* * *

У меня в руках немецкая газета «Дас рейх» от 19 апреля 1942 года. В ней статья министра вооружения Шпеера под названием «Увеличение производительности»: «Энергичное применение самых суровых наказаний за проступки: карать каторжными работами или смертной казнью».

* * *

— Лютейше Никона-еретика адов пес, — сказал старик старовер о Гитлере.

Старик дремуче бородат. Ни ножницы, ни бритва не прикоснулись к нему, как и к предку его. Уж как ни гонялся Петр I за бородой того, как ни преследовал, ни ссылал — не дался. Без бороды искажается образ божий. И носил предок по указу при Петре на верхней одежде медный знак с надписью: «Борода — лишняя тягота, с бороды пошлина взята».

* * *

Строго секретный немецкий документ от 20 апреля 1942 года — «Программа главного уполномоченного по использованию рабочей силы» (прислан штабом нашего фронта для ознакомления): Для того чтобы ощутимо разгрузить от работы крайне занятую немецкую крестьянку, фюрер поручил мне доставить в Германию из восточных областей 400–500 тысяч отборных, здоровых и крепких девушек.

Заукель

* * *

— Тютями не обзаводитесь — это провал. Подберите двух-трех отчаянных, и все — наставлял капитан молоденького разведчика Федю: ночью его забросят в тыл немцев.

* * *

«В 14.00 (командирским наблюдением) отмечено движение до 20 танков с запада на Ржев через Муравьево. Авиаразведкой установлена понтонная переправа через р. Волга южнее Доброе. В роще северо-вост. Ржев отмечено скопление пехоты противника».

* * *

Рассказывают, здешние старые люди косить приступали, когда кукушка откукует, после Петрова дня. Трава вызреет, обсеменит землю. Как первую кукушку услышишь, брякни деньгами, чтобы водились. Натощак в лес сунешься, окукует столько раз, сколько жить осталось. Закуковала — пора приниматься лен сеять. Замокля — рожь заколосилась, а кукушка колоском подавилась.

Но теперь все природные связи нарушились. Какое уж там кукованье, когда всех птиц распугали грохотом, пальбой. Если какая бедолага еще тут чужие гнезда выискивает, кто ж различит в гвалте войны ее кукованье. Ни говора леса, ни плеска реки, ни ветра в поле — слух сверлит только враг в небе да снаряд, сюда наяривающий.

* * *

Я думала: война. А это — дорога, небо, дети, крестьяне, городской люд, голод, смерть.

* * *

«С 11 на 12 октября 1941 года городской партийный актив оставил город и ушел в партизанские отряды.

Для примера следует привести, что по партизанскому отряду № 1 (37 человек) приходится на каждого партизана 4 убитых немца и плюс 18 в остатке...» (из пересланного через линию фронта отчета).

* * *

Фюрер распорядился, чтобы самыми крутыми мерами в кратчайший срок было подавлено коммунистическое (повстанческое) движение. Именно такими мерами, которые, как свидетельствует история, с успехом применялись великими народами при завоеваниях, может быть восстановлено спокойствие.

При этом в своих действиях следует руководствоваться следующими положениями:

- а) каждый случай сопротивления немецким оккупационным властям независимо от обстоятельств следует расценивать как проявление коммунистических происков;
- б) чтобы в зародыше подавить эти происки, следует по первому поводу немедленно принять самые суровые меры для утверждения авторитета оккупационных властей и предотвращения дальнейшего расширения движения. При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна считаться смертная казнь для 50–100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие.

Обратный образ действий — сначала ограничиваться сравнительно мягкими приговорами и угрозой более строгих мер — не соответствует этим положениям, и его следует избегать...

Эти основные положения должны быть немедленно доведены до сведения всех военных инстанций, которые заняты подавлением коммунистического движения.

* * *

Чаще всего говорят так:

— На Покров день, четырнадцатое октября, по-старому первого, немец вошел в Ржев.

Покров день, первое зазимье, еще не зима, а первая пороша. Время свадеб (придет Покров, девке голову покроет). Праздник пресвятой Богородицы, теперь навсегда — день, когда «немец вошел».

* * *

Ясный, словоохотливый, вымуштрованный немецкий солдатик.

— Сейчас расстреляете?

Я перевела.

— Иди ты к черту, в конце концов, — сказал ему капитан.

— Не надо меня убивать, очень прошу.

В солдатской книжке у него вложена «Памятка немецкого солдата»: «Фюрер сказал: “Армия сделала из нас людей, армия завоеует мир”, “Мир принадлежит сильным, слабые должны быть уничтожены”»...

* * *

Долговязый, лицо неправдоподобно белое, и взгляд отсутствующий — может, потому, что все время слушает небо. Зенитчик.

Когда эти незнакомые ребята позвали меня поесть и в крышку котелка плеснули крупяного супа, он машинально вытянул из-за голенища ложку, проволоку ее по заношенному хлопчатобумажному галифе, обтирая из вежливости, и протянул.

Наступит ли время, когда мы снова будем брезговать, мыть ложки, вместо того чтобы при случае всегда пользоваться чьей-либо облизанной и сунутой в сапог?

Может, мы даже не понимаем, какое в нашей искренней небрезгливости друг другом братство.